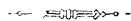

РУССКИЙ АРХИВЪ

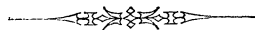
ИЗДАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ.

1891.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Университетская типография, Страстной бульваръ.

1891.

ПИСЬМО И. С. АКСАКОВА

о Московскихъ праздникахъ по поводу открытія памятника Пушкину ¹⁾.

1.

14 Іюня 1880 г. Троекурово ²⁾.

До сихъ поръ не успѣлъ написать тебѣ, милый другъ ***, и рассказать о Пушкинскихъ празднествахъ. Впрочемъ я вѣдь знаю, что ты, какъ и твои сестры, не можешь принимать къ сердцу также горячо, какъ я, это чествованіе Русскаго поэта. Знаю я также, что съ высоты религіознаго настроенія часто и невольно смотрится на наши здѣсь тревоженія много-много со *снисхожденіемъ*: вскую мятутся! По моему, это напрасно. Христось, воплощеніемъ Своимъ на землѣ, открывъ каждой человѣческой душѣ путь къ личному совершенствованію и къ спасенію, въ тоже время не упразднилъ исторіи человѣчества, а только заквасилъ его дальнѣйшія историческія судьбы дрожжами Своей истины. Вотъ процессъ *этого броженія* въ массахъ человѣчества и есть то, что называется *Исторіей*. Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ смотрѣть на явленія современной дѣйствительности. Но ты выражаешь желаніе прочесть *мою рѣчь* и вообще знать о томъ, что касается моего участія въ празднествахъ. Изволь, расскажу, хотя, можетъ быть, ты съ трудомъ повѣришь, что собственно я несравненно сильнѣе интересуюсь *общимъ* значеніемъ этихъ пережитыхъ дней, чѣмъ тою ролью, которая выпала мнѣ *лично* на долю.

Все вышло, какъ обыкновенно выходитъ у насъ на Руси: какъ-то само собою, не по стройному, заранѣе установленному плану и во-

¹⁾ Сообщено наследницею той особы, къ которой это письмо написано. П. Б.

²⁾ Дача подъ Москвою за Дорогомиловымъ, на которой нѣсколько лѣтъ сряду И. С. Аксаковъ проводилъ лѣтніе мѣсяцы. П. Б.

преки неурядицъ, частнымъ людскимъ глупостямъ и безобразіямъ. Вышло неожиданно-хорошо, переросло всякія чаянія и стало истиннымъ *событіемъ* въ историческомъ развитіи Русскаго общества, — великимъ актомъ нашего народнаго самосознанія, новою эрою, поворотнымъ пунктомъ для нашихъ молодыхъ поколѣній и, въ концѣ концовъ, торжествомъ того Русскаго направленія или такъ называемаго Славянофильскаго, къ которому принадлежало столько дорогихъ мнѣ лицъ и котораго я остался въ общемъ мнѣніи какъ бы офиціальнымъ представителемъ. Но и для меня, какъ и для всѣхъ, многое неясное уяснилось, и всѣ мы сознаемъ, что шагнули разомъ впередъ. За то ужъ и утомительны были эти дни! Четверо сутокъ сряду, съ утра до ночи, пребывать въ обществѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, въ какомъ-то нервномъ состояніи умственнаго и духовнаго подъема, общаго ликоваія, въ неумолчномъ гулѣ произносимыхъ рѣчей и рукоплесканій! Положительно я нѣсколько дней потомъ вынужденъ былъ совершенно бездѣйствовать, чтобы сколько нибудь отдохнуть.

Всѣ мы, безъ исключенія, нѣсколько скептически относились къ предстоявшему празднованію, нехотя принимались за дѣло. Я уклонился отъ участія въ комиссіи, избранной Обществомъ Русской Словесности, для распоряженій по устройству чтеній, обѣда и вечеровъ, и очень объ этомъ сожалѣю. Не вышло бы такой глупой исторіи съ Катковымъ, котораго комиссія подвергла остракизму, за чтó и сама наказана, да и публику наказала: не принимая участія въ засѣданіяхъ, Катковъ не далъ мѣста въ своей газетѣ и описанію засѣданій, такъ что за отчетомъ объ нихъ надо было обращаться къ Петербургскимъ газетамъ ³⁾! Кромѣ того, такъ мало придавали значенія этому открытію памятника, что, на примѣръ, вы всѣ разѣхались. Изъ моихъ знакомыхъ дамъ и пріятельницъ не было никого, если не считать О. А. Новиковой. Не могу понять, отчего не было А. Н. Бахметевой. Мнѣ ея

³⁾ Предсѣдателемъ Общества Любителей Россійской Словесности былъ тогда покойный С. А. Юрьевъ, и онъ велъ засѣданія комисси объ устройствѣ Пушкинскихъ праздниковъ. Въ одномъ изъ засѣданій большинствомъ рѣшено было не посылать билета на предстоящіе праздники М. Н. Каткову. Въ меньшинствѣ остались покойные П. Е. Басистовъ, Ѳ. Б. Миллеръ и пишущій эти строки, чтó и было занесено въ протоколъ. Черезъ нѣсколько дней одинъ изъ выбранныхъ распорядителей, безъ вѣдома остальныхъ членовъ, „страха ради“, отправилъ-таки пригласительный билетъ на Страстной бульваръ; но М. Н. Катковъ отослалъ его назадъ. П. Б.

очень не доставало: то-то былъ бы для нея праздникъ! Даже княгиня Трубецкая уѣхала за границу, возвративъ мнѣ билетъ ⁴⁾).

Уже самый первый день, 5 Юня, официальный приемъ депутатовъ въ Думѣ поднялъ, неожиданно для всѣхъ, общій строй духа на цѣлую, такъ сказать, октаву. Весело и радостно было уже видѣть члена Царской фамиліи ⁵⁾ и носителей высшей власти сидящими (нѣсколько смиренно и даже сконфуженно) подъ огромнымъ бюстомъ Пушкина, поставленнымъ на вершинѣ цѣлой горы лавровъ, и выслушивающими, въ теченіе трехъ часовъ, заявленія и привѣтствія, относящіеся исключительно къ «великому Русскому народному поэту», длиннаго ряда депутатовъ изъ разныхъ концовъ Россіи отъ учебныхъ и всякаго рода общественныхъ учрежденій, представителей науки и литературы, искусствъ. Это у насъ новое зрѣлище: явленіе силы нравственной, смирившей грубую силу внѣшней государственной власти. Но ничто не можетъ передать ощущеній той минуты, когда (на другой день) на площади, въ виду Принца и властей, чуть-ли не стотысячной толпы— всѣхъ съ обнаженными головами и съ замершимъ дыханіемъ—спала завѣса, и предсталъ изваянный, величавый образъ Пушкина. Одинъ кликъ вырвался у всѣхъ, какъ бы изъ одной груди; слезы брызнули изъ глазъ у многихъ, очень многихъ. Это вѣдь впервые у насъ побѣда духа надъ плотью, это признаніе, со стороны государства, впервые правъ ума и таланта на Руси! Какою любовью и благодарностью къ Пушкину зажглись въ эту минуту всѣ сердца! Истинно, это былъ праздникъ нашего освобожденія, своего рода «эмансипаціи духа отъ крѣпостнаго состоянія!» Эта импозантная фигура Русскаго поэта, явившаго духъ народный въ высшей сферѣ искусства, какъ бы вѣщаетъ съ высоты своего пьедестала: «не угашайте духа!»

Можешь по этому судить, на какую высоту вскочило разомъ общее настроеніе: обнимались, цѣловались, поздравляли другъ друга, радовались *чистою* радостью, позабывъ всѣ невзгоды, все *прости въ!* Какъ искренно люди всѣхъ партій возглашали ура Государю... Однимъ сло-

⁴⁾ Дѣло въ томъ, что открытіе памятника откладывалось. Послѣдовавшая кончина Императрицы Маріи Александровны (22 Мая) заставляла предполагать дальнѣйшую отсрочку. П. Б.

⁵⁾ Его Императорское Высочество принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, прибывшій въ Москву на открытіе памятника великому писателю, самъ, какъ извѣстно, занимался словесностію и печаталъ свои произведенія. П. Б.

вомъ, лучшаго антидота противъ нигилизма для молодежи нельзя и измыслить. И вѣдь трое сутокъ сряду непрерывно продолжалось такое возбужденное состояніе умовъ, безъ малѣйшаго поползновенія оскорбить власть, безъ всякой непозволительной выходки! .. Хорошо еще, что новый министръ народнаго просвѣщенія, самъ лицеистъ ⁶⁾, выпросился на этотъ день у Государя въ Москву.

Послѣ открытія былъ актъ въ Университетѣ, въ присутствіи Принца, Долгорукова и министра; произнесены были три рѣчи, всѣ посвященныя Пушкину, Тихонравовымъ, Ключевскимъ и Стороженко. Рѣчь послѣдняго была довольно слаба, Тихонравова—не дурна, а Ключевского—чрезвычайно остроумна и талантлива. Все это было выслушано внимательно и съ шумными рукоплесканіями.

Въ 5 часовъ обѣдъ — обѣдъ отъ Думы, въ залѣ Благороднаго Собранія, многочисленный, торжественный, съ дамами; но Принцъ и Долгоруковъ не присутствовали, одинъ только министръ. На меня, почти наканунѣ, возложила Дума обязанность произнести спичъ, также и на Каткова. Оба мы отказывались, но дѣлать было нечего: оба мы старожилы Московскіе и старѣйшіе Московскіе литераторы. Мой спичъ ты вѣрно читала въ Моск. Вѣд. Газета воздержалась отъ передачи впечатлѣнія, произведеннаго моимъ спичемъ. Я произнесъ его громко и *такъ одушевленно*, что привелъ истинно всю публику въ состояніе восторженное. Все повскочило съ мѣстъ, начиная съ министра, все заволновалось и зашумѣло. Я долженъ сказать про себя, что, способный конфузиться въ гостинной и маломъ собраніи, я—чѣмъ больше народа, тѣмъ смѣлѣе и одушевленнѣе и способнѣе передать свое одушевленіе массѣ. Особенно эффектно вышли стихи Языкова. Послѣ меня говорилъ Катковъ. Рѣчь его очень умна и хороша, но произнесена она была глухимъ голосомъ и смущенно. Чувствовалось, *qu'il plaide sa propre cause* ⁷⁾, — и мнѣ было больно это слышать, и я громко поддерживалъ его своими возгласами *bravo*, къ чему увлекалъ и еще нѣкоторыхъ, чѣмъ онъ видимо ободрился. Такая рѣчь, впрочемъ, только тогда вполне умѣстна, когда ею вполне достигается цѣль, когда за нею немедленно слѣдуетъ общее примиреніе. Но этого не было. Я подошелъ къ Каткову и обнялся съ нимъ; тоже сдѣлали Достоевскій, Майковъ. Еще человекъ десять подошло; но большинство почти ничего не слышало, а нѣкоторые отвер-

⁶⁾ А. А. Сабуровъ, передъ тѣмъ только что назначенный въ преемники графу Д. А. Толстому. П. Б.

⁷⁾ Что онъ имѣетъ въ виду самого себя.

нулись отъ его протянутой съ бокаломъ руки, именно Тургеневъ, сидѣвшій напротивъ и объяснявшій потомъ свой поступокъ тѣмъ, что онъ оскорбленъ Катковымъ лично и что между ними не одна литературная вражда ^{*)}. Всего хуже то, что на другой же день въ «Голосѣ» появилась гнусная телеграмма о томъ, будто бы К. искалъ, просилъ примиренія, но былъ *казненъ* за свое 20-ти-лѣтнее *предательство* (какая мерзость!) тѣмъ, что никто не захотѣлъ съ нимъ чокнуться. Я такъ былъ возмущенъ, когда черезъ день полученъ былъ № «Голоса», что подбилъ было Достоевскаго и еще нѣкоторыхъ послать по телеграфу опроверженіе; но мнѣ самому было подписать неудобно: потому что, къ счастью моему, «Голосъ», сообщая объ успѣхѣ моего тоста, въ то же время, выбранилъ и меня. Кончилось тѣмъ, что «Современныя Извѣстія» и «Новое Время» опровергли «Голосъ», перечисливъ—кто подходилъ къ Каткову и пр. Какъ это все гадко, и какъ обидно, что мы непременно хотъ ложку дегтю всунемъ въ бочку меду! Впрочемъ эта ложка дегтю не заглушила ни вкуса, ни аромата медоваго, и на самомъ обѣдѣ incident съ Катковымъ прошелъ немногими замѣченный. Обѣдъ затянулся почти до 9-ти часовъ; а въ 9 часовъ въ томъ же самомъ Собраніи начался литературно-музыкально-драматическій вечеръ, т. е. чтеніе, представленіе разныхъ произведеній Пушкина, музыка романсовъ на его слова и оперъ на сюжеты изъ его піесъ. Публики и на вечерѣ было около двухъ тысячъ. Я до конца не остался: былъ слишкомъ утомленъ.

Съ Субботы начались засѣданія Общества также въ большой залѣ Дворянскаго Собранія, наводненной людьми. Я долженъ былъ, по программѣ, читать въ первый же день, но послѣ председателя и Тургенева. Найдено было однакожъ необходимымъ прочесть предварительно полученныя поздравительныя телеграммы и привѣтствія изъ-за границы и изъ разныхъ концовъ Россіи, а также выслушать адреса Университетовъ, Академій, привезенные депутатами. Много было прекраснаго и интереснаго (письма Ауербаха, Виктора Гюго и пр.); но это одно заняло съ рукоплесканіями болѣе двухъ часовъ. Затѣмъ, учтивости ради, я согласился пустить впередъ и Грота Якова Карловича. Онъ прочелъ прекрасную рѣчь, собравъ разныя нравственныя черты Пушкинской поэзіи. Пустили также впередъ и поэтовъ, Майкова и Полонскаго. Сти-

^{*)} Однако на одномъ изъ засѣданій вышеупомянутой комиссіи (на второй день Святой недѣли, у С. А. Юрьева) намъ довелось слышать, какъ И. С. Тургеневъ горячо говорилъ о томъ, что передъ памятью Пушкина должна замолкнуть всякая рознь и что именно слѣдуетъ всѣмъ мириться. П. Б.

хотвореніе послѣдняго прелестно: это букетъ изъ цвѣтовъ поэзіи Пушкина. Затѣмъ читалъ Тургеневъ. Оно было недурно по содержанію и, разумѣется, очень изящно написано, но все же жидковато по мысли. Много уступокъ сдѣлалъ онъ изъ своего западничества, однакоже еще не рѣшался признавать Пушкина «національнымъ гениемъ», не по происхожденію, разумѣется, а по внутреннему духу его поэзіи. Однимъ словомъ, какъ я ему сказалъ шутя: говорилъ онъ хоть и не совсѣмъ какъ авторъ «Дыма», однакожъ дымомъ припахивало! Наконецъ, дошла очередь и до меня, но уже въ 5-мъ часу: утомленная до-нельзя публика начинала уже расходиться, и я предложилъ отложить чтеніе моей рѣчи до другаго дня. Были прочтены какіе-то стихи, и засѣданіе закрылось.

Это тѣмъ болѣе было кстати, что опять въ залахъ же Дворянскаго Собранія, въ 6 часовъ, былъ обѣдъ по подпискѣ, уже не официальный, но многочисленный, человекъ на триста или больше, безъ дамъ (были впрочемъ двѣ дамы: Голохвастова съ мужемъ и Анна М. Евреинова; разумѣется, онѣ послѣ первыхъ тостовъ и уѣхали). Тостовъ было безконечно много, рѣчей, стиховъ. Съ упоеніемъ нравственнымъ соединилось упоеніе и Шампанскимъ. Я впрочемъ воздержался отъ всякаго тоста и рѣчи, потому что небольшой охотникъ до упоенія съ примѣсью вина: кто что ни скажетъ, всему восторженный плескъ. Но все же пріятно засвидѣтельствовать, что все это было дружно, единодушно, никакой дразгъ не выплылъ наружу; никакой неприличной выходки, не смотря на различіе лагерей и направленій въ этой почти сплошной массѣ людей пера. Каткова впрочемъ не было. Это удивительно, какъ умѣлъ онъ внушить къ себѣ такую общую ненависть; Много тутъ значить, конечно, его литературное генеральство, его надменность, его сопричисленіе себя къ властямъ.

Я однакожъ не остался на пиру до конца, потому что спѣшилъ домой пересмотрѣть свою рѣчь и заняться ея сокращеніемъ. Сочиняя ее, я имѣлъ въ виду, что буду читать въ первомъ же засѣданіи и однимъ изъ первыхъ; такъ и было условлено; но, отчасти изъ учтивости, отчасти по добродушію съ моей стороны, вышло иначе. Задача моей рѣчи была рассмотреть вопросъ о народности въ литературѣ вообще, затѣмъ объяснить, какъ этотъ вопросъ поставленъ исторіей именно у насъ и въ чемъ именно заслуга Пушкина, т. е. коснуться вопроса о народности собственно въ поэзіи Пушкина. Мое намѣреніе было дать публикѣ съ самаго начала правильное освѣщеніе—критеріумъ для всѣхъ статей и рѣчей, которыя бы послѣ меня послѣдовали. Но это не удалось. Между тѣмъ всѣ, которые говорили до меня (и Юрьевъ, и Гротъ,

и Сухомлиновъ, и Тургеневъ и проч.) всѣ урывками касались моей же темы, иногда сходились со мною совсѣмъ, цитовали мнѣнія изъ стихотвореній, которыя и я хотѣлъ прочесть, давая имъ свое толкованіе. Такъ, напримѣръ, Гротъ коснулся даже отношеній Пушкина къ нянѣ и привелъ одну піесу... Очевидно, что заставлять публику слушать два раза одну и ту же піесу было невозможно. Такимъ образомъ приходилось кое-что выкинуть и передѣлать. Я долженъ сознаться, и сознаюсь съ истиннымъ удовольствіемъ, что я обчелся. Я полагалъ, что уровень народнаго самосознанія въ нашей литературѣ ниже: онъ оказался выше, чѣмъ я думалъ, выше, чѣмъ онъ обыкновенно выражается въ журналахъ и газетахъ. Пушкинъ ли, ощущеніе ли исторической минуты, вдохновило и вразумило нашихъ литераторовъ, не знаю; но такъ было. Конечно въ моей статьѣ все это изложено точнѣе, скажу—вѣрнѣе и лучше; но тѣмъ не менѣе для массы публики многое показалось бы въ ней повтореніемъ. Я провелъ поздній вечеръ за исправленіемъ.

Но придя, на другой день, 8-го Іюня, въ засѣданіе, я увидалъ, что мнѣ и на сей разъ не придется читать первому. Вступительная рѣчь вице-предсѣдателя, Чаева, длилась вмѣсто четверти — полчаса: затѣмъ одинъ изъ поэтовъ, Плещеевъ, упросилъ дать ему продекламировать, *пока публика не истощилась въ оаціяхъ*. Въ этотъ же день долженъ былъ читать Достоевскій (мы было такъ и раздѣлились, зная сходство нашихъ направленій); но, видя его нервное безпокойство, я предложилъ ему читать первому. Онъ и прочелъ, прочелъ мастерски, такую превосходную, оригинальную вещь, еще шире и глубже захватывающую вопросъ о народности, чѣмъ моя статья, причемъ не въ формѣ логическаго изложенія, а въ живыхъ, реальныхъ образахъ, съ искусствомъ романиста, и впечатлѣніе было по истинѣ потрясающее. Я никогда ничего подобнаго не видѣлъ. Оно обхватило всѣхъ, какъ публику, такъ и насъ, сидѣвшихъ на эстрадѣ, даже отчасти и Тургенева (они другъ друга терпѣть не могутъ). Успѣхъ Достоевскаго — истинное, многознаменательное событіе. Онъ совершенно потопилъ Тургенева и всѣхъ представителей его направленія. До сихъ поръ Тургеневъ былъ идоломъ молодежи, и во всѣхъ рѣчахъ его публичныхъ были всегда тонкіе намеки либерально-неопредѣленнаго смысла, вызывавшіе фуроръ. Онъ всегда тонко льстилъ молодежи; да и наканунѣ еще, говоря о Пушкинѣ, воздавалъ хвалу Бѣлинскому, далъ понять, что онъ и Некрасова очень любитъ и т. д. Достоевскій же пошелъ прямо наперекоръ, представилъ, что Бѣлинскій ничего не понялъ въ Татьянѣ, ткнулъ пальцемъ прямо въ социализмъ, преподалъ молодежи цѣлое поученіе: «смирись, гордый человѣкъ, перестать быть скитальцемъ въ

чужой землѣ, поищи правду въ себѣ, не какую либо внѣшнюю» и т. д. Татьяну, которую Бѣлинскій, а за нимъ и всѣ молодые поколѣнія, называли «нравственнымъ эмбриономъ» за соблюденіе долга вѣрности,—Достоевскій напротивъ возвеличилъ, и прямо поставилъ публикѣ нравственный вопросъ: можно ли созидать счастье личное на несчастіи другого?!

Важно именно то, какъ отнеслись къ этому молодые же люди, которыхъ, можетъ быть, до тысячи было въ залѣ. Все пришло въ такой экстазъ, что одинъ юноша, ринувшись къ Достоевскому на эстраду, упалъ въ нервный обморокъ. Тутъ были «курсистки» курса Герье (крайняго западника), еще въ прошломъ году дѣлавшія оваціи Тургеневу. Богъ знаетъ гдѣ, тутъ же въ собраніи, добыли онъ лавровый вѣнокъ и поднесли его, при общихъ кликахъ, Достоевскому, за что имъ, вѣроятно, достанется... Надобно притомъ замѣтить, что Достоевскій имѣетъ репутацію «мистика», т. е. не позитивиста, а вѣрующаго человѣка; да онъ и тутъ упомянулъ о Христѣ. Однимъ словомъ, торжество нашего направленія въ лицѣ Достоевскаго было полное, и всѣ рѣчи людей такъ называемыхъ 40-хъ годовъ показались дребеденью^{*)}. Волненіе было такъ сильно, что нужно было сдѣлать длинный перерывъ.

Между тѣмъ предстояло еще читать мнѣ, Анненкову, Калачову и Бартеневу. Я предлагалъ (такъ какъ было уже 4 часа) совсѣмъ закрыть засѣданіе и совсѣмъ отказывался читать, признавая совершенно неумѣстнымъ ослаблять впечатлѣніе публики и предпочитая распустить ее подъ этимъ впечатлѣніемъ. Вѣдь это все равно, еслибы послѣ представленія эффектной піесы заставить публику слушать философское разсужденіе, будь оно хоть первокласснаго въ мірѣ философа.

Между тѣмъ публика, недовольная тѣмъ, что я все откладывалъ свое чтеніе, стала кричать и требовать моего появленія на

^{*)} Содержаніе рѣчи Достоевскаго никому не было извѣстно до ея произнесенія. Любопытно, что въ одномъ изъ засѣданій приготовительной комиссіи едва было не постановили не допускать Достоевскаго къ чтенію чего либо на Пушкинскомъ праздникѣ. Нѣкоторые члены комиссіи настаивали на такомъ недопущеніи, потому что Достоевскій яко бы нанесъ Тургеневу обиду, спросивъ его прямо и во всеуслышаніе, на одномъ изъ Петербургскихъ общественныхъ обѣдовъ, чего именно хочетъ онъ отъ нашихъ студентовъ и тѣмъ приведа знаменитаго друга молодежи въ неловкое положеніе и смущеніе. На этотъ разъ, большинство членовъ комиссіи не допустило такого остракизма; но пренія были горячіи.—Когда Достоевскій сошелъ съ кафедры, кто-то подошелъ къ нему и, обвиняя его, замѣтилъ: „Сущность вашей рѣчи была выражаема Хомяковымъ, братьями Кирѣевскими и К. С. Аксаковымъ“. — „Совершенно справедливо“, отвѣчалъ Достоевскій. П. Б.

каедрѣ. Я и взопелъ и импровизировалъ ей съ одушевленіемъ рѣчь въ такомъ смыслѣ, что «едва ли чей восторгъ въ залѣ по случаю чтенія Достоевскаго равняется моей радости; что еще вчера стоялъ вопросъ о народности Пушкина, еще вчера можно было спорить, сомнѣваться и нужно было доказывать, но теперь, слава Богу, благодаря Достоевскому, этотъ вопросъ упраздненъ, и толковать о немъ больше нечего. Поэтому читать свое разсужденіе на ту же тему я считаю излишнимъ. Рѣчь Достоевскаго и впечатлѣніе, имъ произведенное, я считаю событіемъ: въ этой оцѣнкѣ, очевидно, сошлись люди всѣхъ направленій—и представитель такъ называемаго Славянофильскаго направленія И. С. Аксаковъ,—и представитель такъ называемаго Западнаго И. С. Тургеневъ. Да будетъ же благословенна память нашего бессмертнаго великаго поэта, всѣхъ насъ объединяющаго и призывающаго всѣхъ равно къ служенію *истинн* путемъ *правды народной!*» Петербургскія газеты болѣе или менѣе вѣрно передали эту импровизацію, которая, конечно, прерывалась и покрывалась неистовыми рукоплесканіями; а когда я сошелъ съ кафедры—криками: читайте, читайте! Крики были такъ упорны, что ломаться долѣе было неприлично, и я, взойдя снова на кафедру, объявилъ, что прочту, но только въ отрывкахъ, такъ какъ уже 4 часа. Публика кричала: «всю, всю!» Я спорить не сталъ, но ея не послушалъ и прочелъ только (но все же окло получаса времени это заняло) нѣсколько отрывковъ. Публика слушала благосклонно, внимательно, сильно рукоплескала въ заключеніе и вынесла, сколько мнѣ извѣстно, убѣжденіе, что этой статьѣ слѣдовало бы дать мѣсто предпочтительнѣе предъ всѣми статьями, кромѣ разумеется, Достоевскаго.

Овацій въ заключеніе чрезвычайныхъ мнѣ не было; но публикѣ очень понравилось все мое поведеніе и моя импровизація. Теперь, когда нервы нѣсколько успокоились, начинаютъ опять интересоваться моей статьей. Она появится вѣроятно въ Пушкинскомъ Сборникѣ, который предпринялъ издавать Бартеневъ, и котораго первая часть (съ моей статьей) скоро выдетъ.

Анненкова, Калачова, Бартенева публика уже почти не слушала. Но затѣмъ было сдѣлано заявленіе о томъ, что теперь очередь за памятникомъ Гоголю. Эту мысль имѣли мы оба съ Тургеневымъ и намѣревались заявить ее оба вмѣстѣ, въ концѣ засѣданія; но одинъ Петербургскій литераторъ Потѣхинъ, которому тоже пришла она въ голову и который приготовилъ для этого цѣлую рѣчь, упростилъ насъ уступить ему эту честь. Онъ впрочемъ заявилъ публикѣ, что не отъ себя лично это предлагаетъ, но и отъ насъ. Какъ бы то ни было,

публика приняла это съ восторгомъ; тотчасъ же внизу, при разѣздѣ, открыта была подписка, и въ тотъ же день подписано четыре тысяч! Теперь испрашивается офиціальное разрѣшеніе. Публика разошлась въ 6-мъ часу; а въ 9 часовъ вновь собралась на литературно-музыкальный вечеръ и сидѣла до часу. Я впрочемъ не выдержалъ и уѣхалъ, не дождавшись конца.

Наши Петербургскіе гости удивлялись упорству Московскаго энтузіазма: трое сутокъ сряду, съ утра до ночи, сидѣть, слушать, восторгаться, заставлять повторять по нѣскольку разъ стихи, хлопать...

Такъ окончились эти шумные дни, замѣчательные еще и тѣмъ, что не произошло ни скандала, ни ссоры, никакого неприличія. Оба засѣданія общества открывались рѣчами, въ которыхъ упоминалось съ благоговѣніемъ о покойной Императрицѣ, о томъ, что этимъ горемъ, къ сожалѣнію, помрачена наша радость и пр. Можно положительно сказать, что на эти дни всякій нигилизмъ повыскочилъ изъ головъ.

Пушкинъ дѣйствительно выяснился и очистился въ нашемъ собственномъ сознаніи. Мы сами всѣ, углубившись въ него, можно сказать, впервые поняли его значеніе вполне. Отнынѣ «игнорировать» его молодымъ поколѣніемъ будетъ нельзя. Народъ, который постоянно толпится около памятника, сложилъ уже какую-то легенду объ *учителѣ*, который все *нѣтъ* и *нѣтъ*. До сихъ поръ появляются свѣжіе вѣнки и цвѣты, неизвѣстно кѣмъ приносимые къ подножію. А любить и понимать красоты Пушкинской поэзіи, — это несовмѣстимо съ кровавыми заговорами, стрѣляньемъ изъ-за угла и т. п. Да и самый этотъ литературный соборъ былъ полезенъ литературѣ: авось она облагородится нѣсколько. Однимъ словомъ, все это вышло во благо.
